

Ласица Л.А., Стренева Н.В.
Оренбургский государственный университет
E-mail: nstreneva@yandex.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ-ГРАФФИТИ

Данная статья посвящена исследованию текстов-граффити как одному из способов репрезентации языкового сознания и мышления. В статье анализируются темпоральные особенности структуры этого типа текстов, описываются способы представления категории времени. В работе приводятся данные статистической обработки материала исследования, выявляются основные стратегии использования категории времени.

Ключевые слова: граффити, текст, категория времени, маркеры времени, лексико-грамматическая модель.

В последние десятилетия в лингвистике отмечается тенденция к изучению языка «обычного человека», его повседневной речевой практики. Ю.Н. Караулов определяет цель подобных исследований как «основание пирамиды, на вершине которой – прекрасные взлеты человеческого духа, запечатленные в авторском слове, высочайшие образцы художественной идиоречи, ставшие возможными лишь благодаря тому, что в широкое основание пирамиды заложена сильная здоровая посредственность» [1: 8–9].

В центре внимания все чаще оказывается письменная «народная» речь, представленная многообразием жанров. Для ее описания применяют термин «естественная письменная речь», который обозначает «речевую деятельность и ее результат – тексты, характеризующиеся такими признаками, как спонтанность, непрофессиональность исполнения и письменная форма бытования» [2: 138].

Одним из жанров естественной письменной речи (далее – ЕПР) называют граффити – явление достаточно распространенное, но малоизученное, которое, по мнению Л.В. Щербы, считается «отрицательным языковым материалом». Однако, как считает ученый, необходимо «теоретическое осмысление подобного языкового материала как феномена речевой деятельности и построения более общих моделей, описывающих эту деятельность» [3: 19]. Более подробное изучение данных текстов, созданных в неформальной обстановке, помогает понять, как функционирует язык, как устроена норма.

Граффити в словарях определяют как «посвятительные, магические и бытовые надписи на стенах зданий, металлических изделиях, сосудах и т. п. (от итал. graffiti, мн. число от graffito,

букв. – нацарапанный)» [4:308]. Иногда это явление называют эпиграфикой – «вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей древние и средневековые надписи на металлических, деревянных, костяных, керамических, стеклянных изделиях» [4: 308]. Материалом данного исследования послужили тексты студенческого граффити – современные надписи, нанесенные на парты учебных аудиторий Оренбургского государственного университета (2416 текстов).

Граффити как разновидность малых письменных жанров, по мнению А.Г. Антипова, «не просто воплощает в письменной форме речь студенческой молодежи, но, прежде всего, формирует образ особого «естественного» грамматологического способа репрезентации языкового сознания и мышления» [5: 151].

Студенческое граффити уже становилось предметом изучения лингвистов [6], [7]. Задача данного исследования – выявить темпоральные особенности структуры этого типа текстов, установить наиболее востребованные способы репрезентации категории времени.

Коммуникация с помощью текстов граффити характеризуется определенным временным разрывом, необходимым для того, чтобы сообщение достигло реципиента адресата и установлена обратная связь. Хронотоп таких речевых ситуаций характеризуется своеобразием: реальное время и место создания в большинстве случаев не совпадают с временем и местом получения сообщения.

Отличительными чертами граффити являются незначительная длина текстов, их синтаксическое оформление – большинство подобных текстов представляют собой отдельные слова

либо одно предложение, фиксируется наличие креолизованных текстов. Пользуясь терминологией В.Г. Адмони образцы студенческого граффити можно описать как «сверхмалые» формы текста, которые, по мнению автора, возникают непреднамеренно, спонтанно, «вероятно, из-за стремления сказать что-то особенно точно и выразительно» [8: 211].

На первом этапе работы во всех текстах были выявлены маркеры категории времени. Их полный список приводится в работе [9: 95–101]. Анализ материала выявил 893 текста (37% от общего числа текстов), в которых категория времени выражена эксплицитно, 483 текста (20%), где время – имплицитно, и 1040 (43%) текстов, которые совсем не имеют темпоральной характеристики (чаще всего это однословные либо креолизованные тексты).

Поскольку письменный способ передачи информации в силу своей специфики постоянно стремится к расширению коммуникативного пространства, граффити, с этой точки зрения, можно рассматривать как социальный жанр, где создание одной надписи «требует окружения», влечет за собой появление другой. В этом проявляется такая отличительная характеристика граффити, как диалогичность (ссылка), поскольку возникает некий диалог текстов, при котором читающий, вступая в диалог с автором, создает свой текст. Например: Мне НАДОЕЛО.

Данный текст вызвал следующие реакции: Мне тоже; А мне нет.

Или: Если ты не голубой, нарисуй вагон другой. Далее следует рисунок железнодорожного состава с некоторым количеством вагонов.

Это может объяснить тот факт, что в 20% текстов время присутствует имплицитно. Мы посчитали, что их следует отнести к тому временному плану, который характеризует первый текст диалога.

Для статистической обработки текстов, в которых категория времени выражена как эксплицитно, так и имплицитно, мы обратились к компьютерной программе «Statistica», позволившей провести факторный анализ материала. Процентные показатели, приводимые ниже рассчитывались исходя из того, что на данном этапе за 100% принималась выборка именно этих текстов, состоящая из 1376 единиц.

Результатом факторизации стало выделение 4 групп текстов, которые создавались со-

гласно определенной временной стратегии. К первому фактору относятся 45,7 % текстов. В группу текстов второго фактора входят 15,3 %. Третий фактор включает 14,7 % текстов. Четвертый фактор состоит из 9,7 % текстов рассматриваемой выборки. Отметим, что были выявлены тексты, которые являются представителями двух групп одновременно. Их доля от общего количества текстов составляет 8 %.

Итак, 85,3 % от общего объема выборки – это число текстов, вошедших в четыре группы, тогда как 9,3 % оказались не включенными ни в один из четырех факторов.

На следующем этапе тексты каждого фактора были подвергнуты процедуре корреляционного анализа. Он позволил представить систему маркеров времени в текстах каждого фактора как целостную систему, обладающую сложной, иерархизированной структурой.

В ходе анализа были выявлены все темпоральные пары (комбинации двух маркеров времени) внутри каждого фактора, потом подсчитаны все случаи употребления каждой пары. Определив среднее арифметическое и величину u (сигма), мы выделили те временные пары (кластеры), частотность употребления которых является значимой для группы текстов данного фактора, т. е. величина показателя частотности превысила порог достоверности, рассчитанный по формуле: среднее + 1 стандартное отклонение u (сигма)

Например, в текстах первого фактора в процессе корреляционного анализа выявилось 45 временных кластеров, но появление только 4 из них является неслучайным для текстов этой группы: настоящее время – будущее время; настоящее время – временной союз; настоящее время – прошедшее время; настоящее время – временное наречие. Самым частотным маркером времени в данном факторе выступают глаголы настоящего время.

Результаты, которые мы получили с помощью упомянутых выше статистических методов, были представлены в виде лексико-грамматических моделей. Их достоинством является способность наглядно отразить иерархическое взаимодействие компонентов. Для этого мы определили силу корреляционной связи между маркерами. В группе тех темпоральных пар, показатель частотности которых оказался выше порога достоверности, были рассчитаны стандартное отклонение u (сигма) и значение среднего.

В рамках настоящего исследования сильной мы считаем связь между элементами тех пар, где показатель частотности пары попадал в коридор достоверности больше значения (среднее + 2 σ (сигма)). В моделях, представленных ниже, такие связи обозначаются жирной линией. Если значение показателя частотности находилось в коридоре значений: больше среднего, но меньше (среднее + 1 σ), связь считалась слабой. Для обозначения таких связей используется пунктирная линия. Когда показатель частотности темпоральной пары был больше (среднее + 1 σ), но меньше (среднее + 2 σ), такая связь называлась нами средней, и в графосемантической модели обозначалась линией обычной толщины.

На рисунке 1 представлена лексико-грамматическая модель способов выражения времени, характерная для первого фактора. Эта модель включает в себя пять типов маркеров: четыре грамматических (настоящее, прошедшее, будущее время, временной союз) и один лексический маркер (временное наречие). Ядром этой системы является настоящее время, функционирующий как компонент четырех временных пар, объединенных связями разной силы.

Интересно, что в состав модели входят все формы глагольного времени: настоящее, прошедшее и будущее. Здесь они взаимоисключают друг друга. Временные формы глагола дают общую ориентацию действия во времени, относя его к сфере настоящего, прошедшего будущего, а также указывая на одновременность или одновременность нескольких действий.

Между элементами настоящее и прошедшее время связь слабая, что говорит о том, что эти глагольные формы могут употребляться в одном контексте, но эта вероятность невелика. Между маркерами настоящее и будущее время наблюдается сильная связь.

Анализ частотности маркеров показал, что наиболее часто используемым способом выражения времени в текстах первого фактора, а также в рамках всей выборки являются глаголы настоящего времени – 41 % от общего числа репрезентантов категории времени, что объясняет значительное количество текстов, составивших первый фактор.

Многие лингвисты считают, что категория настоящего времени занимает центральное место в триаде времен. Оно является точкой отсчета временной оси «прошедшее-настоящее-

будущее». Эта точка носит название «момент речи», который соотносится с наречием сейчас [10: 91]. Мы полагаем, ориентация на момент речи наиболее актуальна именно в контексте ЕПР, потому что время создания текста граффити совпадает с моментом речи.

Жду тебя на последней парте справа. Где же ты, моя любовь? Чувствуешь как я тебя люблю?

Однако значение форм настоящего времени в русском языке не исчерпывается лишь совпадением с моментом речи. Оно также может обозначать действия, которые реализуются не только в момент речи, но и до и после него или вообще постоянно. (Любовь зла ... она ранит калечит ... И в конце концов убивает).

Одним из элементов модели на рисунке 1 являются темпоральные союзы, которые в сложном предложении различают одновременность – разновременность действий, обозначенных глаголами, и отражают стремление текстов к континуальности.

Когда ты порою скучаешь, и горе тревожит тебя, ты вспомни, что в мире есть сердце, которое любит тебя.

В данном примере темпоральный союз когда совместно с глагольными формами настоящего времени играет важную роль в формировании временной структуры текста, обеспечивая связность простых и придаточных предложений в составе сложного.

Точность временной ориентации достигается с помощью лексических маркеров времени. Темпоральные наречия являются наиболее востребованными из них. Они уточняют временную ориентацию иногда в общем виде благодаря своей местоименной природе, иногда конкретно, разделяя временной континуум на три большие сферы (прошедшего, настоящего, будущего) относительно момента речи. Компонент модели 1 временное наречие коррелирует с настоящим временем глагола, из-за его наибольшей частотности среди других маркеров времени в текстах первого фактора.

Рисунок 1. Лексико-грамматическая модель времени в текстах-граффити 1 фактора

На рисунке 2 представлена временная модель текстов второго фактора, где равным числом маркеров представлено лексико-семантическое (временное наречие, часть суток) и грамматическое (настоящее и будущее) время. Причем будущее является грамматическим ядром данной модели. Этот способ выражения времени не отличается высокой востребованностью в текстах ЕПР – 13,86% от общего числа репрезентантов времени. Однако в текстах второго фактора будущее время не только является наиболее частотным временным маркером, но выполняет структурообразующую функцию, функционируя в качестве ядра данной временной модели.

Глаголы будущего времени выражают действие, следующее после момента речи (буду курить, позову), что поддерживается темпоральной лексикой – в текстах второго фактора словами, называющими части суток, которые часто выступают в форме временных наречий.

«Сегодня ночью я к тебе приду, разденусь догола, и ночь блаженства проведу с тобой до утра. Как хорошо с тобой спать, моя любимая ...кровать!»

Студент, создавший этот текст, пишет о своих намерениях на будущее (ночью), ограниченное сферой действия наречия сегодня. Мы видим несовпадение темпоральных планов будущего, выраженного глаголами в форме простого будущего времени, и настоящего, выраженного наречием сегодня.

При рассмотрении модели 2 привлекает внимание тот факт, что компоненты временной пары настоящее – будущее время так же как и в предыдущем случае связаны сильной связью, что говорит о значительном количестве контекстов, где эти способы репрезентации времени употреблялись совместно, как, например, в следующем тексте:

Я сижу на лекции, думаю о воле
 Как я бы окунулся в долгожданном море
 Буду я в том море плавать и нырять
 Буду воду синюю руками загребать
 Позову с собой подруг, чтоб не утонуть
 В море том проложим к дальним странам путь
 Каждый день мы будем на волнах качаться
 Каждый день мы будем счастьем упиваться.

Автор разграничивает две сферы своей жизни: настоящий момент реальности и возможное будущее – желаемое развитие событий. «Человек, как активный действующий субъект, обращен к будущему – в модель жизни вошло целеполагание, а движение к цели есть движение в будущее» [11: 59].

На рисунке 3 расположена система способов выражения категории времени, наиболее характерных для третьего фактора. Модель состоит из трех грамматических маркеров времени и лексического маркера временное наречие. В данной модели ядерным элементом является прошедшее время, наиболее частотный маркер времени в текстах этого типа (относительная частота употреблений форм прошедшего времени в каждом тексте – 2).

Нельзя не заметить, что маркер настоящее время, являющийся компонентом всех четырех моделей, в данной модели установил сильную связь с ядерным компонентом прошедшее время.

Это еще раз доказывает, что для создания текстов граффити, как жанра ЕПР, наиболее актуальным является настоящее время. В рамках всей выборки на втором и третьем месте по

Рисунок 2. Лексико-грамматическая модель времени в текстах граффити 2 фактора

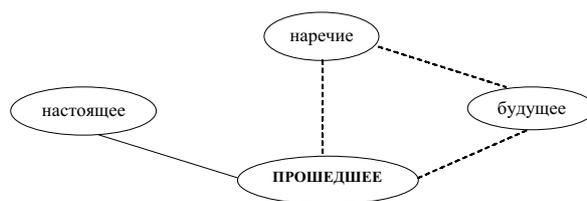

Рисунок 3. Лексико-грамматическая модель времени в текстах граффити 3 фактора

Рисунок 4. Лексико-грамматическая модель времени в текстах граффити 4 фактора

численности находятся глаголы в будущем и прошедшем времени соответственно.

Ночью ты опять ходила где-то
Сколько звезд подарило нам лето
С горя я напьюсь снова
Ведь тебя ласкает очередной Казанова.

Отмечаем в данном примере наличие временных планов прошедшего, настоящего и будущего времени. Приведенный текст является наглядным примером применения всех элементов темпоральной модели третьего фактора в одном контексте.

Рисунок 4 изображает лексико-грамматическую модель, лежащую в основе временной структуры текстов четвертого фактора. Представленная система имеет простую структуру. В качестве ядерного компонента выступает временное наречие, который имеет высокий показатель частотности. Временная соотношенность наречия в большинстве случаев совпадает с планом глагольного времени, что отразилось в установлении корреляционных связей между элементами системы.

Все входящие в данную модель маркеры времени являются неслучайными для текстов этого фактора. В составе модели мы не наблюдаем маркера названия частей суток, который также является неслучайным. Такие маркеры формально являются темпоральными наречиями, поэтому можно считать, что этот лексический репрезентант времени имплицитно присутствует в модели 4.

Таким образом, мы установили, что в основе временной структуры текстов граффити находятся 4 типа организации, демонстрирующие характерные для текстов каждой группы особенности. Все четыре лексико-грамматических модели времени имеют простую структуру и используют ограниченный набор временных маркеров. Распределение текстов выборки на факторы осуществляется благодаря наличию в тексте наиболее востребованного маркера времени: в первом факторе такой параметр – настоящее время, в группе текстов второго фактора это – будущее время, в третьей группе – прошедшее время, наибольшую частотность в текстах четвертого фактора демонстрирует временное наречие. Примечательно, что в 1040 текстах из 1376 возможных (75,6% от общего числа текстов выборки) самые высокие показатели частотности принадлежат грамматическим способам выражения времени (временным формам глагола).

Анализ текстов граффити выявил 6 временных маркеров, которые не вошли в состав ни одной из четырех моделей. Все они являются лексико-семантическими маркерами: название месяца; названия определенных отрезков времени, длительного временного периода, по отношению к настоящему моменту; прилагательные с непрямым временным значением; прилагательные, выражающие длительность временного отрезка и исторические имена. Считаем, что эти маркеры обозначают понятия, неактуальные для авторов текстов граффити.

08.11.13

Список литературы:

1. Караулов, Ю.Н. Предисловие / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч. 1. – М., 1994. – С. 5 – 9.
2. Лебедева, Н.Б. Некоторые аспекты исследования естественной письменной русской речи / Н.Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Барнаул, 2003. – Ч.1. – С. 137 – 143.
3. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба; ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; предисл. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 308 с.
5. Антипов, А.Г. «Естественные» дискурсы: креативность VS. культурогенность. / А. Г. Антипов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2003. – С. 145 – 158.
6. Стренева, Н.В. Композиционно-графический фрейм текста (на материале граффити): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Стренева. – Оренбург, 2009. – 21 с.
7. Тюкаева, Н.И. Граффити как жанр естественной письменной русской речи: автореф. ... канд. филол. наук / Н.И. Тюкаева. – Барнаул, 2005. – 18 с.
8. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 240 с.
9. Ласица, Л.А. О взаимосвязи временных маркеров в русских текстах / Л.А. Ласица // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – №77. – С. 95-101.
10. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. Иркут. Гос. ун-та, 2004. – 206 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51 – 61.

Сведения об авторах:

Ласица Любовь Александровна, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4106, тел. (3532) 372436, e-mail: nstreneva@yandex.ru

Стренева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и инженерно-технических специальностей

Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 20614, тел. (3532) 372433, e-mail: nstreneva@yandex.ru

UDC 81-25

Lasitsa L.A., Streneva N.V.

Orenburg state university, e-mail: nstreneva@yandex.ru

LEXICAL AND GRAMMATICAL MODELS IN GRAFFITI-TEXTS

The article is devoted to graffiti-texts describing them as a way where man's language consciousness and thinking are represented. The work analyses some temporal peculiarities in the structure of such texts and reveals the ways which present the category of time. The material was researched with the help of some statistic methods. The main strategy in using category of time was shown.

Key words: graffiti, text, category of time, time markers, lexical and grammatical model.

Bibliography:

1. Karaulov, U.N. Foreword / U.N. Karaulov // Russian associative dictionary. B. 1. Direct dictionary: from stimulus to reaction. P. 1. – M., 1994. – P. 5 – 9.
2. Lebedeva, N.B. Some aspects in research of natural written speech in Russian / N.B. Lebedeva // Natural written Russian speech: research and educational aspects. – Barnaul, 2003. – P.1. – P. 137 – 143.
3. Scherba, L.V. Language system and speech activity / L.V. Scherba; edit. L.P. Sinder, M.I. Matusevich; foreword. L.P. Sinder, M.I. Matusevich. – 2nd ed. – M.: Editorial URSS, 2004. – 432 p.
4. Big encyclopedic dictionary / Main ed. A.M. Prohorov. – M.: Big Russian encyclopedia, 1997. – 308 p.
5. Antipov, A.G. "Natural" discourse: creativity VS. cultural aspect / A.G. Antipov // Natural written Russian speech: research and educational aspects. – Barnaul, 2003. – P. 145-158.
6. Streneva, N.V. Compositional and graphic frame of the text (on graffiti material): Author's abst. of diss. ... cand. of filolog. sciences / N.V. Streneva. – Orenburg, 2009. – 21 p.
7. Tukaeva, N.I. Graffiti as a genre in natural written Russian speech: Author's abst. of diss. ... cand. of filolog. sciences / N.I. Tukaeva. ? Barnaul, 2005. – 18 p.
8. Admoni, V.G. Grammatical order as a system of structure and a common theory of grammar / V.G. Admoni. – L.: Nauka, 1988. – 240 p.
9. Lasitsa, L.A. About time markers interaction in Russian texts / L.A. Lasitsa // Vestnik of Orenburg State University. – 2007. – №77. – P. 95-101.
10. Kravchenko, A.V. Language and consciousness: Cognitive aspects of language categorization / A.V. Kravchenko. – Irkutsk: Ed. of Irkutsk state university, 2004. – 206 p.
11. Arutunova, N.D. Time: models and metaphors / N.D. Arutunova // logic analysis of language. Language and time. – M., 1997. – P. 51 – 61.